



Книги Владимира Ильина  
в серии  
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ  
БОЕВИК

**ТОМ ДЖОУ**  
**ПОВЕЛИТЕЛЬ МИРАЖЕЙ**  
**ШЕРИФ**  
**ВОСЬМОЙ ЗВЕРЬ**  
**НАПРЯЖЕНИЕ**  
**НАПРЯЖЕНИЕ РАСТЕТ**  
**НАПРЯЖЕНИЕ. КОРОННЫЙ РАЗРЯД**





ФАНТАСТИЧЕСКИЙ  
БОЕВИК

ВЛАДИМИР ИЛЬИН

# НАПРЯЖЕНИЕ. КОРОННЫЙ РАЗРЯД



РОМАН

Москва, 2019  
**Э**АРМАДА  
&  
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)  
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5  
И46

Серия основана в 1992 году  
Выпуск 1152

Художник  
**О. Бабкин**

**Ильин В. А.**

И46 Напряжение. Коронный разряд: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. — 377 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2829-8

Максим, потомок княжеского рода, одаренный магической Силой, подрос, окончил школу и превратился из мальчишки в юношу. Но по-прежнему никто из правящей элиты страны не воспринимает паренька как серьезного противника в борьбе могущественных российских кланов. А зря. Он способен устроить всем врагам «веселую» жизнь, хотя для него самого веселье будет по-детски искренним. Верные школьные друзья всегда рядом, но Максима больше радует не то, что они готовы ему помочь, а то, что он сам может прийти им на помощь в любую минуту. Имперская служба безопасности точит на него зубы, а князь-оборотень — медвежьи когти. Обломитесь и те и другие: грядет будущий император — и не только России, но и всего мира. Вот так, а к чему мелочиться?..

УДК 82-312.9(02)  
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Ильин В. А., 2019  
© Художественное оформление,  
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019

ISBN 978-5-9922-2829-8

## *ПРОЛОГ*

Зимний вечер выстуживал огромный зал через приоткрытое окно, бесцеремонно врывается внутрь, рассыпая на драгоценный паркет хлопья снега, и торжествующе завывал от собственной безнаказанности. Потому как некому выгнать расшалившуюся погоду обратно на улицу — слуги куда-то запропастились, а гостям малого императорского дворца не пристало заниматься самоуправством в чужом доме.

Тем более что в этом месте не бывает случайностей, и раз окно открыто, а на столике резного дерева — чайные чашки с аккуратно разложенными дольками лимона на ложечках, но без единой капли воды, разумнее распознать в этом высокое недовольство и быть готовым к непростой беседе, а не пытаться выкликать обслугу, потому как ее отсутствие — тоже символ.

Впрочем, гости — юная леди и ее отец — вовсе не страдали от холода, чувствуя себя великолепно под теплыми соболиными накидками. Под мехом проглядывали торжественные наряды: классическое платье на девушке, исполненное в серых тонах с серебряным шитьем, с акцентом в виде массивного браслета из крупных самоцветов на руке; мужчина предпочел черную рубашку с красным узором герба у сердца, заменой же статусным украшениям служила серебряная княжеская тиара Юсуповых, опоясывающая лоб.

— Ну и зачем? — спросил мужчина, с укоризной посмотрев на дочь.

Он возвышался над столиком, смотрясь великаном даже в массивном дворцовом кресле. Чайная чашка вполне уместилась бы на его ладони.

— Рано, — последовал безмятежный ответ.

— Мы могли бы задержаться на улице или перенести визит на завтра.

— Поздно.

Оставалось только горестно вздохнуть в ожидании, когда совесть дочери процарапает стену показного равнодушия, и она сама пожелает объяснить отцу, зачем и по какой причине она навлекла великокняжеский гнев.

Несмотря на радушие свитского, попросившего ожидать пару минут, князь Юсупов подозревал, что ждать им в этом холоде не менее часа. Но если ожидание затянется и на больший срок, он все равно будет рад, что их вовсе не выставили за порог, демонстративно, с глухим звуком затворив тяжелые дубовые ставни за спинами.

Есть определенные правила, этикет, регламент поведения. Даже ему, хозяину необъятных земель на северо-востоке страны, для которого император — не хозяин, а всего лишь первый среди равных, положение не застило глаза настолько, чтобы говорить правду августейшей фамилии. Особенно ту, которую слышать не хотят.

Еще он достаточно хорошо воспитал дочь, чтобы и она не позволяла себе столь скверного поведения. Тем не менее его Ксения позволила себе обронить пустяковую фразу под конец церемониального приветствия с дядей императора. Тому шел шестой десяток лет, и, как полагается в его возрасте, политика и власть занимали его внимание куда сильнее, чем житейские проблемы, третьей по счету и потому слишком молодой, чтобы иметь общие темы для беседы. Оттого, поговаривают, беседовали с нею иные люди, сохраняя в тайне высокоинтеллектуальные визиты от ревнивого супруга.

Надо сказать, когда великого князя искренне поздравили с тем, что он скоро станет папой, он даже обрадовался на мгновение. Потом, видимо, сопоставил даты, и долгожданные гости отправились в застуженное помещение вместо приемной императора. Не по статусу крохотное, без слуг, в дальнем конце дворца, но...

«Других бы точно выставили вон», — меланхолично кивнул своим мыслям князь.

Легкомысленная фраза смотрелась прямым оскорблением — особенно в адрес влиятельного мужа, привыкшего считать себя всеведущим и всезнающим, а жен — кроткими и верными под его рукой. Даже усомниться в этом — означало обвинить в измене не только супружеской, но также и родине, и присяге. А тут даже не сомнение, а искренняя радость за грядущее прибавление в императорском доме. Счастливое,

нежданное и настолько удачное событие, что будущему отцу даже от дел государевых отвлекаться не пришлось.

К счастью, великий князь встречал их лично, оставив свиту позади. В противном случае его реакция неизбежно последовала бы с оглядкой на общество.

За слова детей, как полагается по традициям, ответ держать отцу. С учетом прежних заслуг и некоторым послаблением относительно возраста дочери наверняка последовало бы августейшее повеление о нежелании видеть княжеский род в Москве. Но это — за слова обычных детей, чей длинный язык есть признак недалекого ума и небрежения воспитанием.

Ксения же обычной называться не могла с самого детства. Ей довелось родиться с даром пророка.

Семнадцать лет назад признаки великого дара посчитали за чудо; сходили с ума в попытках усилить талант, жертвуя ради шанса увидеть будущее слишком многим, в гордыне своей полагая любую плату уместной. Сейчас же пришло понимание, что все это было не то чтобы напрасно, но переоценено столь сильно, что невольно разведешь руками. У клана просто не было настолько великой цели для такого дара. Даже без таланта Ксении род бы жил и процветал. Зато любую нынешнюю победу семьи тут же с иронией привязывают к прозрению будущего, а не мастерству управленцев.

Тайну сохранить не удалось — слухи неведомо как вышли в народ, и любые попытки их опровергнуть только подогревали интерес. Правда, по сей день все серьезные игроки полагали дар Ксении достаточно слабым, чтобы игнорировать его или воспринимать на уровне случайной погрешности. Этим зубров от аналитики даже убеждать не пришлось — ведь клан в самом деле не стремился свергнуть императора с престола, захватить земли врагов (более, чем обычно) или разграбить финансовые рынки точными прогнозами. То есть клан не делал то, что сделали бы они, имея пророка. А значит, никакого пророка нет — так, видимость. Логично и достоверно, да к тому же изрядно всех успокаивало.

Одно тревожило князя на фоне этих рассуждений: в самом деле полагали бы дочь слабой ведуньей — выставили бы... Или нет, и причиной милости — все же высокий статус гостя? Но когда это обстоятельство удерживало семью императора от того, чтобы громко хлопнуть дверью даже перед лицом самых родовитых и демонстративно ввергнуть в опалу, особенно столь несерьезную по своей сути... Что для Юсуповых неделя,

максимум месяц без Москвы? Всего-то — Москва станет ездить к Юсуповым, а не наоборот.

Сомнения подогревал пустяшный мотив для приглашения во дворец. Было бы нечто серьезное и важное для короны — гнев железно отложили бы на потом, а то и вовсе оценили его в звонкой монете, предложив списать в часть оплаты за будущую услугу. Но цель визита выглядела довольно обыденно. Даже слишком — впору брать пару-тройку консультантов и вычеркивать половину дня из расписания, пока будут сходиться мнения профессионалов под одобрительные кивки господ. Так и было бы, если бы не вскользь оброненная фраза, что на встрече будет великая княжна Елизавета, младшая дочь императора и «погодка вашей очаровательной Ксении, им как-нибудь надо обязательно познакомиться, не считаете?». Намек полностью менял тему визита, переводя ее из финансово-экономического в светское русло, впрочем, все так же несерьезное по своей сути. Разумеется, на все рекомендации можно было плюнуть с высокой колокольни и заявиться со свитой финансистов, но дипломатия предписывала делать легкие уступки просьбам равных.

Хотя некоторое недоумение осталось. С чего бы дочь решили представить его величеству за месяц до новогоднего имперского бала? В последний день года князь все равно подведет дочь к трону, представит ее августейшей фамилии и передаст через нее подарки. Этого более чем достаточно. Никакой дружбы Ксении с принцессой рода Рюриковичей не планировалось.

И уж тем более будущая встреча двух девчонок не являлась настолько важной причиной, чтобы Великому Рогоносцу пренебречь болезненной гордостью и оставить обидную правду без наказания.

Разумеется, если для него Ксения — именно девчонка, пусть и княжеских кровей, а не прорицательница. Но если иначе...

Место, где они сейчас находились, вполне укладывалось в концепцию одновременно благодарности за своевременное предупреждение и гнева за манеру подачи ценных сведений. Ведь там, где есть вера словам, должна быть и уверенность в их источнике. А слабому пророку веры у такого человека как великий князь быть не может. Вот с сильной ведуньей — ссориться нельзя, но на место следует поставить. Сходится?

— Они знают? — уточнил князь у дочери.



— Давно, — поднялся на него взгляд зеленых глаз. Как у матери.

— Имею в виду... — замер он в середине фразы, внимательно посмотрев на дочь.

Понятно, что о даре его дочери самый сильный клан в империи знал, и наверняка раньше остальных. Вопрос в понимании истинной мощи дара.

— Давно, — терпеливо повторила Ксения.

«Вот же...» — чертыхнулся про себя князь, не выдав и движением своих чувств, которые можно было бы увязать с сутью вопроса.

Мало ли кто на них сейчас смотрит — в завитках резьбы на карнизах, в углах зала, в лепнине стен наверняка множество камер и микрофонов. Особенно если император действительно знает и желает об этом сегодня говорить.

Аналитики, просчитывая визит, отдавали этой версии малый шанс, прагматично сходясь на более простых поводах. Например, на огромном приданом, которое постараются требовать за брак Ксении и дальнего родственника императорской фамилии. В обмен — немного власти и небольшой рост статуса клана в общей иерархии. Другое дело, что кем-кем, но Ксенией князь торговать бы не стал, оттого изначально воспринимал этот визит без энтузиазма, надеясь максимально сократить его благодаря отточенному умению улыбаться и не понимать намеки.

Значит, знают. Давно знают — не верить дочери нет смысла. Раз молчала, то это не повредит клану и роду — так она говорила, некогда поставив отца перед фактом, что подобные решения были и будут. Хорошая, красивая формулировка... от которой хочется разбить кулаком стол. Потому что понимание вреда у семнадцатилетней девушки, какой бы умной она ни была, может быть недостаточным для сложной реальности.

И если Ксения чувствовала себя совершенно безмятежно, опираясь на знание светлого будущего, у князя заворочался под солнечным сплетением ком дурных предчувствий. К цели ведет множество путей. Прорицая светлый терем, ладные одежды и богатый стол, можно пропустить кровавую резню за час до этого и не заметить пропитанные кровью бинты под плотной рубахой. А ведь дар дочери — всего лишь узенькое окошко в будущее, время в котором идет как обычно... Много ли останется вне ее внимания? Созерцая светлый терем, полный добра, увидит ли врагов, что притаились до поры на чердаке?

Или чумных крыс во тьме подвала? Или ядовитый металл на дне колодца, который отравит воду и убьет болезнями?

— Ксюша... — с тоской выдохнул князь Юсупов, — предлагаю вернуться домой и все обсудить.

За тяжким выдохом — горечь от осознания, что все взаимоотношения с императорским родом придется просчитывать заново. Очень не хватало помощи от аналитиков, но на территории дворца для гостей не было связи, так что хитрый механизм-транслятор, скрытый в княжеской тиаре, не мог доставить толковые советы и помочь владельцу на ходу сформировать новую линию поведения.

А вести игру в одиночку против императорского рода князь Юсупов не собирался. В этом была мудрость шестого десятка лет, пока недоступного его дочери.

— Нет необходимости, — без паузы отреагировала его дочь.

— Все, что ты знаешь об этой семье, — надавил он тоном на предпоследнее слово и повел взглядом, намекая на владельцев дворцовых палат. — Все, что ты про них могла узнать. Это все даже в малой степени не даст тебе увидеть картину их возможностей. — Он встал с кресла. — Мы уходим.

Рисковать дочерью, отчего-то решившей поиграть с короной, он не собирался. Плевать, что запланированный визит не состоится. На все плевать, кроме родной крови. Пророков за историю империи было во множестве, но род Рюриковичей всех их пережил. Даже самых сильных, даже тех, кто встал против них, полагая знание следующего дня залогом победы. Всех уничтожили. Своей Ксении он в это влезть не позволит.

— Будущее невозможно изменить. — Дочь поднялась вслед за ним и поправила соболиную накидку. — В этом большом театре, что делает человечество, я не могу менять его судьбу. Они и я это знаем.

— Не следует объединять свои мысли и то, о чем думают в этом дворце. — Князь Юсупов со скрипом задвинул кресло к столику и предложил дочери локоть опереться.

Девушка положила ладонь на стиб его руки и направилась вместе с ним к массивной двери покоев.

— У нас разная точка зрения на это знание, — согласилась Ксения. — Они считают, что могут подготовиться к любому будущему, как талантливый режиссер с трупной — к любой постановке.

— Дочь... — строго произнес князь Юсупов.

— Я же просто выбираю для нашей семьи лучшие места на этом представлении...

Дверь распахнулась одновременно с тем, как отец протянул к ней руку.

По ту сторону стояли трое богато разодетых свитских, почтительно согнувшихся в поклоне, стоило соприкоснуться взглядами.

— Император ожидает князя и княжну в алмазной палате.

Ксения сжала локоть отца, на мгновение опередив вежливый отказ со ссылкой на недуг дочери.

— У каждой истории есть множество начал... — прошептала она ему на ухо, приподнявшись на носочках, — но только одно завершение.

— Оно будет хорошим? — замешкался отец.

— Пойдем, — со смешинкой потянула она его за собой. — Наши места — в первом ряду.

## ГЛАВА 1

Жаркое солнце середины июня спряталось за высоткой главного корпуса университета, накрывшего широкой тенью площадь перед ним. Под глубоким темно-синим небом звенел смех, царила радость и волнительное предвкушение счастливого будущего, полного новых знакомств и сбывшихся надежд. Период вступительных экзаменов начнется всего через неделю, но к тому времени надо собрать списки желающих, подтвердить способности оригиналами аттестатов, а намерения — солидной суммой залогового взноса или же подписью в гербовом контракте с княжеством, готовым платить за самых перспективных в обмен на службу.

Разумеется, документы можно подать в любой день только-только начавшейся недели, но в таком серьезном деле, как собственное будущее, большинство предпочло прийти сразу, разумно страхуясь от возможных накладок.

Оттого народу на университетской площади, обрамленной пешеходными улицами и трехэтажными зданиями университетских корпусов, было особенно много. Молодежь занимала самый ее центр, оставив край площади степенно прохаживающимся родителям, зорко поглядывающим за поведением и первыми знакомствами своих чад. Когда-то нынешние отцы и матери тоже стояли в центре, полагая себя по-настоящему взрослыми, а родителей — слишком старыми, чтобы прислушиваться к их увещаниям и строгим наставлениям. Вскоре и эти вырастут и станут отговаривать уже своих детей от собственных ошибок и промахов.

«Но те им тоже не поверят» — хмыкнул своим мыслям Александр Ефремович Ферзен, ректор имперского университета княжеского города Шуйск, отдавая должное крохотной чашке с ароматным кофе.

Зеркальные окна от пола до потолка огораживали высокий подиум кафетерия от оживленной летней улицы. Взгляд свер-

ху вниз и непрозрачность стекол со стороны тротуара где-то даже оживляли аппетит, добавляя вдумчивому потреблению пищи сочную картину жизни, не замечающей пристального внимания.

Заведение находилось на первом этаже дома для преподавателей, примостившегося у левого края площади, сразу за небольшой парковкой для персонала. И хоть оно и было открыто для всеобщего посещения, но высокие цены и тяжелый взгляд профессуры, видящей все долги студентов насквозь, давно уже сделали его заведением «для своих». Хозяев кафе, впрочем, это не вводило в убыток, судя по тому, что работало оно уже пятый год и не собиралось закрываться.

А конкретно это место — на подиуме, отделенном от общего зала отдельным проходом, за годы стало его, ректора, личным. Всякий раз за столиком его дожидалась табличка «Заказано», а персонал будто предугадывал его визиты — иначе и не сказать, если от времени заказа до расставления на столе пышущих ароматом и жаром блюд проходила от силы пара минут. Затем наступало время крохотной чашки кофе, запиваемой стаканом воды, и вдумчивого наблюдения за жизнью подопечных. Той, что наверняка не увидит из окна его кабинета.

Складывались пары, обозначали общие интересы группы студентов. Порою доносились отрывки фраз и сплетен. Нет, человеку его статуса подслушивать даже в мыслях не было, но не уши же закрывать за обеденным столом? Все в рамках приличий и без урона дворянской чести. В конце концов, милостью государя, именно он, Александр Ефремович, поставлен хозяином университетских корпусов и начальником преподавателей, ему полезно знать, что на самом деле волнует студентов и подчиненных. Ведь на кону вполне может оказаться преуспевание университета и лично его должность.

Пересекли площадь преподаватели, степенно вышагивая к парковке через пугливо раздавшуюся толпу. Новички пока не знают своих наставников в лицо, но достаточно вида парадного мундира гражданской службы, чтобы ощутить должную степень робости и уважения. В чем-то форма преподавателей схожа с военной: хоть и лишена знаков различия, но наградные медали и планки, пусть те и выданы исключительно по мирным поводам, придают вид внушительный и грозный. Пусть сразу видят, что тут тоже идет война — за светлые умы, против тьмы невежества!

Ректор разглядел лица коллег и погасил порыв попросить у obsługi добавить кресел к столу и принести дополнительные меню. Вряд ли кто из них присоединится к нему за обеденным столом — то люди семейные, предпочитают обедать дома. Это он, ректор, один. От позднего брака осталась только дочь. Сердце потеплело от законной гордости — с отличием закончив консерваторию, родная кровинка сейчас покоряла своим талантом столицу и даже пару раз показалась на центральном телевидении, пока, правда, мельком, на втором плане. Но даже эти короткие записи он трепетно хранил. Жаль только — поделиться ими не с кем. Супруга отошла в другой мир десять лет назад, а новые отношения даже сейчас ощущались изменой той самой истинной любви, что бывает раз в жизни.

Тем временем профессура раскланялась меж собой и предсказуемо разошлась по машинам. Дорогим, к слову, автомобилям, не старше года каждый.

Учитель физики Аристарх Игнатъевич, любитель дорогих костюмов и модных галстуков, прикрыл дверцу своего «Шевроле Импала», пронесся под басовитый рев двигателя по улочке, распугивая зазевавшихся гостей, и лихо вырулил за знаки «Стоп», «Только для персонала». Следом куда спокойнее вырулили «порше» и «сеат» профессоров кафедры высшей математики, а завершил процессию совсем нескромный «Балто-Русс» проректора Овсянова, стоивший как бы не дороже первых трех автомашин вместе взятых.

Не бедствовали преподаватели имперского университета, что скрывать. Сам ректор, правда, всегда находил куда потратить деньги — в основном на подарки дочери. Но разве ему много нужно было? Квартиру ему предоставил университетский фонд пять лет назад, тогда же предложил выделить машину на выбор, но тут он постеснялся и остался при своей «Волге», которой тогда шел всего второй год. Да и зачем менять? Скорость Ферзен не сильно любил, а добираться до дома всего с десятков минут пешком. На машине — так и вовсе смех.

В общем, грех жаловаться, право слово. Что вне работы, что в стенах университета, блиставшего свежим ремонтом, пятым за пять лет, все у ректора ладилось.

А тут еще, незаметно подкравшись, комплимент от повара подали, добавив: «За счет заведения», — и мысли вовсе обрели радужный тон.

«В столицу махнуть на выходные, что ли? За свои деньги, разумеется».

Хотя у университета был собственный самолет. Небольшой, на пятьдесят пассажиров, но, поговаривают, даже у многих столичных такого не было. Ведь небо — только для аристократов, а как бы ни любило государство высшие учебные заведения, но такая роскошь, как бесконечный лимит на топливо, любые маршруты над страной и двое дежурных пилотов, выходила за всякие рамки. Самолет — князя Шуйского, предоставленный в аренду за одну копейку в год.

Редко кому так везет с сиятельными владельцами земель. Обычно они те еще скряги, дико ворчливые от необходимости каждый год платить за имперский университет на своих землях. Дорого им, видите ли. А специалистов им выдай наилучших! При этом те же ворчливые князья в то же самое время хороводы вокруг Москвы водят с просьбами открыть еще один храм науки и выделить преподавателей. Однако стоит добиться успеха и перерезать красную ленточку — тут же начинается вечное недовольство тратами. Но это они, наверное, от прошений и университетских просьб страхуются. К таким скрягам идти на поклон — никакого желания, проще в столицу написать.

Не всем достается такое счастье, как Александру Ефремовичу, ой не всем.

«А может, на университетском самолете и махнуть? Вон как раз экскурсия по Кремлю намечается у стипендиатов, можно всего на один день сместить график вылета и... Хотя нет, нагловатое», — все же решил ректор добираться на имперских авиалиниях.

К доброму отношению следует относиться бережно. Будто в пику его мыслям, величаво вырулил с парковки покрытый золотом «Кадиллак Эскалейд» преподавателя по русскому языку.

Не у всех, правда, это понимание есть... Ну да их дело.

— Александр Ефремович?

— Да-да? — повернулся он, встрепенувшись от знакомого голоса.

Рядом с его столиком замер в почтительном поклоне хозяин заведения самолично, отчего-то накинув белоснежное полотенце на сгиб локтя, будто обычный официант. Впрочем, остальная его одежда — жилетка в крупную клетку поверх белой рубашки, ничем не отличалась от формы остального персонала. Облик смотрелся целостно, выдавая немалый стаж руководителя на низовой должности.

«Но с чего бы такой вид? — ворохнулось любопытство. — Решились обслужить самолично? Приятно, безусловно, но нет времени на новую перемену блюд».

— Александр Ефремович, с вами желают переговорить. Окажите милость, всего пять минут вашего внимания... — обозначил самую радушную улыбку ресторатор, добавив толику вины во взгляд.

Ферзен поджал губы и укоризненно посмотрел на мужчину.

Никто не любит неожиданных визитеров, особенно разрушающих таинство послеобеденного отдыха. А тут еще назревает явный проситель — наверняка с весьма предсказуемой просьбой пристроить нерадивое чадо на первый курс. Столь же предсказуемый (для тех, кто ректора знает) отказ наверняка попортит им обоим настроение. Словом, дело неприятное, но, видно, неизбежное.

— Прошу вас, Александр Ефремович, — молитвенно сложил хозяин заведения руки и искренне добавил еле слышным шепотом то, что тут же, с великим изумлением, заставило сомневаться в его истинном статусе: — Иначе меня уволят...

— Приглашайте, голубчик, — скорбно выдохнул Ферзен, складывая руки на груди и демонстративно отворачиваясь к окну.

В конце концов, ему тут еще завтракать, обедать и ужинать, а возможная смена администратора может принести отрицательные изменения в привычный распорядок дня. Пусть холуй выслуживается, от Александра Ефремовича не убудет сказать «нет» еще раз. В его университете не будет кумовства!

Стол тут же очистили от посуды, вернув через полминуты графин с водой и два пустых стакана. За этим делом все хлопоты в общем-то завершились, а вот обещанного просителя не наблюдалось. Но раз у него одолжили ровным счетом пять минут — ректор демонстративно приподнял рукав пиджака, чтобы посмотреть на циферблат часов, — еще три минуты, и он отсюда уходит.

Чтобы озвучить данную мысль, Александр Ефремович грозно оглядел зал в поисках администратора, но с удивлением обнаружил отсутствие как обслуги, так и иных посетителей. В кафе, кроме него, — никого.

Солидный звук автомобильных моторов дернул нервную струну, заставив резко повернуться к окну.

«Коллеги вернулись?» — немного нелепо пришла мысль при виде кавалькады из трех незнакомых автомашин, втекшая



на университетскую парковку, игнорируя знаки и ограничения. Впрочем, если обратить внимание на имперский герб на двух авто в арьергарде — они имели на то право. Вот только первый автомобиль, слегка потрепанный временем темно-синий «опель» с обычным гражданским номером, совсем не гармонировал с черными квадратами внедорожников сопровождения. Но именно к невзрачному автомобилю бросился ресторанный служака от входа в заведение, торопясь открыть дверь. Не успел — из задней двери уже вышагнул молодой парень лет семнадцати в бежевых брюках и белой безрукавке. Мельком огляделся, игнорируя суету вокруг него, и шагнул к двери кафетерия.

«Две минуты», — нервно дернулся взгляд Ферзена к циферблату часов.

Мелодично тренькнул входной колокольчик, возвещая о прибытии нового гостя. Крайне необычного, по всей видимости.

«Да что с того? — раздраженно дернул плечами Александр Ефремович, подняв взгляд к горделивому полотну с двуглавым орлом на шпиле университетского здания за окном, дарующему абсолютную защиту от сильных мира сего. — Да хоть князь!»

Краем глаза ректор отметил силуэт в белой рубашке подле стола и еле слышный звук от положенной на скатерть папки с бумагами.

— Добрый день, Александр Ефремович, — вежливо поздоровался с ним молодой голос, уже приобретший некую толику бархатистости и глубины, свойственную старшему поколению.

Ферзен вновь сложил руки на груди и недовольно покоился на говорившего.

— И вам доброго дня, юноша.

Совсем молодой, как те, что занимали сегодня университетскую площадь, ожидая своего времени для подачи документов. Между прочим, честно ожидали и не пытались через знакомства пробиться к ректору лично!

Парень напротив внимательно посмотрел на него, умудрившись-таки зацепить взглядом серо-синих, словно штормовое небо, глаз. Глубоких, завораживающих кажущейся подвижностью радужки, будто медленно вращающейся... и тускло мерцающей сотнями еле заметных огоньков в самой ее глубине, если приглядеться. Но ведь так быть не может...

— Александр Ефремович?

— А? — спохватился ректор, осознав, что пропустил обращенные к нему слова.

— Мне нужно закончить ваш университет, — терпеливо повторил юноша, стукнув пальцем по укладке документов в раскрытой папке перед собой.

— Не смею препятствовать. Поступайте обычным порядком, отучитесь положенные пять лет, и я лично вручу вам диплом, — расправил плечи Ферзен, возвращая привычную уверенность.

Все же самый обычный проситель, а он-то уже надумал себе...

— Я уже поступил, — парень взял первый лист сверху и переложил на половину стола ректора, — отучился и получил все положенные отметки, — следом за первыми, легли новые бумаги с выкопировками из приказов и зачетных книжек, ведомостей и прочей канцелярщины, сопровождающей студентов на всем пятилетнем пути.

— Разрешите поинтересоваться, — хмуро глянул на юношу Александр Ефремович, придвигая к себе листы. — Самойлов Максим, из свободных граждан.

Он не помнил такого имени. Безусловно, ректору огромного учреждения и не положено знать всех учеников поименно, но за пять лет он обязан был зацепить взглядом, оставив в памяти хотя бы легкое чувство узнавания. Пусть даже не самого ученика, но такую свиту из машин он наверняка не упустил бы из виду. Вернее, знал бы точно, кого в стенах его заведения так опекают.

— Год рождения... Принят в имперский университет города Шуйск в две тысячи... Хм... В тринадцать лет?! — Невольно в огромном изумлении распахнулись глаза. — И вы пришли ко мне с этой подделкой?! Молодой человек, я немедленно вызываю полицию!

— Они подлинные, — абсолютно спокойно отнесся к угрозам Самойлов. — Оригиналы документов в двух экземплярах, первая часть в вашем архиве, вторая — у меня здесь, — вновь щелкнул он по оставшимся бумагам в папке. — Будет много ненужных вам вопросов, не считаете?

— Не считаю! — взвился с места Ферзен, опершись руками о край стола и нависая над самозванцем. — Я вас в университет не принимал!

— Такое право есть у проректора в ваше отсутствие, — столь же меланхолично отреагировал собеседник и положил еще один лист из бумажной укладки поверх остальных.

Очередная подделка!

Обличительная фраза, уже готовая сорваться с уст, разби-лась сорванным на выдохе словом и надсадным кашлем, стоило вновь наткнуться на взгляд гостя. Завораживающий и хо-лодный, словно поверх оружейного прицела. Но не того, что ведет дичь, а что заставляет смотреть на охотника, не позво-ляя шевельнуться, от которого желание кинуть бумаги в лицо наглицу обернулось непонятной робостью, а правильный и очевидный поступок с вызовом представителя службы безо-пасности университета подменился порывом разобраться во всем самостоятельно. Даже сама поза ректора показалась на-столько неудобной, что Ферзен предпочел медленно вернуться в кресло и присмотреться к подделке внимательнее.

Стоило отметить, что бумага выполнена безупречно и ук-рашена положенным количеством печатей.

«Подпись зама, росчерк пера, все сходится, — с досадой кусал он губы — Номер приказа!»

Набрать на сотовом номер телефона приемной — секунд-ное дело, даже с неприятным подрагиванием кончиков паль-цев. Зачитать заветный номер, услышать ответ от секретаря...

— И он посмел пойти на подлог?!

— Александр Ефремович, в моей зачетной книжке более тридцати подписей и печатей, проставленных не одномо-ментно, а с полным соблюдением всех сроков и регламентов. Ни одна проверка не выявит нарушений.

— То есть все они?.. Все мои коллеги?.. — с некой расте-рянностью вымолвил Ферзен, переводя взгляд со странного гостя на документы и обратно.

Растерянность, впрочем, тут же сменилась законной яро-стью.

— Все они продались за моей спиной?! — вцепился ректор в копии бумаг и грозно потряс ими над столом.

— Все, — отчего-то с некоторым сочувствием кивнул па-рень. — И даже вы.

— Я-а?! — прогремело в здании кафе.

— Квартира, ежемесячные поступления, оплата счетов. Все они проистекают из того же источника, что у остальных.

— Я! Никаких! Денег! Не! Брал! Убирайтесь из моего уни-верситета и ждите повестки в суд, молодой человек! — грозно указал ректор перстом на дверь, вновь взвившись с места.

— Университетский фонд, — даже не дрогнуло лицо юно-ши, а вся гневная речь будто относилась не к нему, а к той же двери, на которую все еще указывал Александр Ефремо-

вич. — Вам знакомо это наименование? И сядьте, будьте так любезны.

В последней фразе было достаточно воли и жесткости, чтобы Ферзен предпочел выслушать продолжение этого нелепого разговора сидя. Он все равно немедля отправится к главе особого отдела, а тот пока все равно на обеде, так что можно потешить себя выслушиванием всяческих нелепостей.

Но ком недобрых предчувствий, заворочавшийся под солнечным сплетением, настаивал совсем на иных мыслях, которые даже про себя произносить было боязно.

— Какое отношение имперский университетский фонд имеет к вам, молодой человек? — едко поинтересовался ректор.

— А вы знаете, что за употребление слова «имперский» в именовании полагается годовой сбор в два миллиона рублей? — неожиданно поинтересовался Самойлов. — За пять лет сумма вышла довольно значительной. Я бы, к слову, с куда большим энтузиазмом потратил бы их на вас, но вы бы не стали брать деньги и ценности от фонда с другим наименованием, верно?

Александр Ефремович побуравил взглядом собеседника и категорично мотнул головой.

— Вздор.

— Неужели ни разу не интересовались у коллег из иных городов уровнем зарплат и привилегий? — приподнял бровь юноша. — Не заметили несоответствий?

Замечали, но предпочитали не озвучивать и не вызывать зависть. Казалось вполне разумным, что фонды от княжества к княжеству разные, а поддержка профессуры может значительно отличаться от результата работ. Свою же работу высший руководящий и преподавательский состав университета считал безупречной, оттого не удивлялся ни секунды щедрым поощрениям.

— У вас есть иные доказательства, кроме этой вашей наглости и слов? — попытался надавить ректор едким тоном, с коим обычно распекал подчиненных.

Получалось плохо — гость даже к спинке стула не отодвинулся, продолжая сидеть ровно и прямо. Тут уже неудобство почувствовал сам Ферзен и предпочел позу скептика, откинувшись на спинку стула и скрестив руки на груди.

— Документы, — невозмутимо качнул плечами Самойлов. — Но моим вы ведь не поверите, так? Посоветую вам поинтересоваться учредителями фонда в иных источниках.

— Там я увижу вашу фамилию, смею думать?

— Владельцем будет фонд «Наука — развитие», — отрицательно качнул тот головой, — а уже его владельцем — офшор на Кипре. Так что даже обратись вы в полицию, мало чего добьетесь. А вот к вам уже будут вполне определенные вопросы, ведь принимать деньги от заграничного предприятия, пусть даже опосредованно...

— Вы смеете мне угрожать?.. — прошипел ректор.

— Ни в коей мере, — поднял руки юноша, отмахиваясь от обвинения. — Я уже говорил: все, что я хочу, — завершить обучение.

— Так шли бы к этому вашему Овсянову, век бы его не видеть! — хлопнул Ферзен рукой по скатерти.

— Как оказалось, документы о защите диплома могут быть только с вашей подписью.

— И что будет, если я не подпишу? Вы станете шантажировать меня своим фондом?

— Александр Ефремович, слово даю — никакого шантажа, — приложил Самойлов руку к груди. — Ни шантажа, ни денег, ни квартир, ни машин, каждая из которых в найме у фонда. Ведь это было так удобно — переложить налоги и ежемесячные платы на фонд.

— И вы, говорите, не шантажист? — иронично хмыкнул Ферзен, которого новость о лишении привычного жилья кольнула тоской даже через ярость и гнев на молодого наглеца.

— Всего лишь мне больше незачем будет вас добровольно поддерживать. Все эти расходы, ремонт университетских корпусов, оплата самолета...

— Самолет — княжеский! — ухватился ректор.

— Александр Ефремович, — укоризненно глянул на него взгляд необычных темно-синих глаз, — к чему слова? Самолет уже сегодня перестанет вас принимать. И не следует на меня смотреть столь гневно. Да, парад роскоши последних пяти лет завершится, но я же не забираю у вас ничего лично вашего, верно?

— Я ничего не подпишу, слышите?! — Заставив себя не думать о том, что станет с одновременно выкинутыми из домов преподавательскими семьями и какой разразится скандал, произнес ректор. — Катитесь к черту со своим фондом!

— То есть «спасибо» за эти пять лет мне тоже не услышать, — вздохнул Максим Самойлов. — Не мое это — хорошие дела.

— Вы нас обманывали все эти годы!

— Меня бы кто так обманывал... Александр Ефремович, приношу извинения. Жаль, что разговор не задался. Признаюсь, совсем не хотел вас волновать и уж тем более заставлять испытывать столь сильные эмоции. Вашей дочери вовсе не понравилось бы, случись что с вами. — Сложив бумаги обратно в папку, приподнялся парень из-за стола.

— Стоять! — рявкнул Ферзен, стукнув кулаком по столу. — Что ты там сказал про мою дочь, шенок?!

Сейчас он был даже не главой вуза, а зверем куда страшнее — любящим родителем.

— Говорю, что Александра Ферзен — моя знакомая, — поднялся на него хмурый взгляд, — не более того.

— Если с ней хоть что-то... — пророкотал ректор, комкая скатерть в кулаке.

— Все у нее будет хорошо, — вновь прижал к полу его эмоции холодный тон. — Никто не тронет.

— Откуда ты ее знаешь? — Сглотнув комок из ярости и злости, ректор предпочел прислушаться к чутью и поумерить тон.

— Саша работает на моем канале. — Видимо убедившись, что старик не сорвется на него с кулаками, Самойлов стукнул пару раз ребром папки о стол, выравнивая бумаги.

— Лжешь! Это канал князей Долгоруких!

— Долгорукого Игоря, угу, — вздохнул парень, с грустью взглянув на циферблат своих часов.

Ректор невольно повторил его движение — уже на три минуты больше, чем планировалось. А нервов выжгло — на целые месяцы.

— Только я не вру, но вам это будет проверить еще сложнее, — потер Самойлов задумчиво переносицу и повернулся к двери. — Спросите у дочери, ей вы наверняка поверите.

— Постойте, — не удержался Ферзен от оклика, стоило парню уверенно двинуться на выход. — А... карьера Александры?

Он просто хотел услышать ответ, не важно какой. Пусть будет плохим, это уже не испортит день, но даст железное обоснование вернуть дочь обратно прямо сейчас. Предварив звонком и обязательно — личным визитом. Отчего-то про владельца канала верилось. Хоть и быть такого не могло, что представитель славного рода Долгоруких на кого-то мог работать!... Вернее, Александр Ефремович раньше не встречал ни-

кого, кто соответствовал бы такой невообразимой начальственной должности.

— Пять лет счастья завершены, — задержался юноша, с полной серьезностью посмотрев на него. — Я не собирался и не собираюсь забирать у вас ничего. Не стану возвращать обратно, как великую милость, и требовать за это платы. Всем вам придется жить дальше с тем, что имеете, и с теми силами, что при вас.

— То есть... — заволновался ректор за дочь.

— Роли перестанут падать с неба, если говорить условно, — пожал юноша плечами. — Но все, что она заработает сама, своим талантом и трудом, никто не отнимет. Даю слово. Она способная, я вас уверяю. Лет через десять, вот увидите...

— Мы не могли бы вернуться к столу?.. — дала трещину воля пожилого человека.

Десять лет — это много. Для юной звезды потом будет уже старость и четвертый десяток лет...

Поэтому сейчас, вернув Самойлова и вновь сев с ним за стол, Ферзен был готов подписать любую бумагу.

Но медлил, с тоской ощущая собственное бессилие перед событиями, желая их хотя бы немного отдалить. Например, хотя бы соблюсти церемониал от начала до самого конца — принять его в вуз... Изобразить в своем воображении экзаменационные вопросы и ответы на них... Словом, совершить весь этот фарс для себя лично, чтобы утихомирить разболевшуюся совесть. Ведь есть же экстерн, верно? Для гениев... Этот был определенно гений, пусть талант его был предгрозовой тьмой, от которой хотелось сбежать или отвести от себя и близких в сторону.

— Итак, Самойлов Максим... — скрывая волнение, начал Александр Ефремович, перебрав папку с бумагами юноши и положив перед собой школьные аттестаты, характеристику и заявление на поступление. — Завершил обучение в школе номер сто пять. Оценки превосходные, — распахнул он красную книжку аттестата за одиннадцатый класс.

Уже неплохо. Уже не придется мучить себя тем, что подписал диплом бездарности.

— Аттестат за девятый, для сравнения. Хм. «Восемь» по русскому языку? — невольно поднял ректор брови и посмотрел на Максима.

А тот — о удивление! — изволил проявить смущение.

— Это досадная техническая ошибка, — отвел юноша взгляд в сторону. — Вы понимаете, базы данных, электроника... Там должно было быть пять с плюсом.

— Плюс в аттестат не проставляется, — с некой веселостью отреагировал ректор на эмоции Самойлова.

Вернее — с облегчением от соответствия поведения гостя возрасту! Мальчишка, странный, опасный — но мальчишка! Человек!!!

— Кто ж знал? — пробурчал тот и поднял ладони вверх: — Уверю вас, просто недоразумение.

— Допустим, — хмыкнул Александр Ефремович и переложил документ с характеристикой наверх. — Так... «Теперь это ваша проблема». — Вновь взмыли брови вверх от удивления.

— Разрешите посмотреть? — возмутился юноша и приподнялся на месте, довольно споро, судя по движению зрачков, читая текст вверх ногами. — Нет такого!

— Так вот же, если позволите, — начал чтение ректор, указывая кончиком ручки на заглавные буквы предложений. — «Терпелив и внимателен к учебе. Если требуется помощь другу — непременно окажет. Положительно показал себя в видах спорта... Ежегодно...»

— Достаточно, — нахмурился Самойлов и откинулся на спинку стула. — А ведь я им теплоход подарил...

— Не стал забирать? — едко уточнил ректор.

— И это тоже... — вздохнул юноша и махнул рукой на документы. — Ладно. Давайте сделаем так, чтобы эта проблема перестала быть вашей, — чуть грустно произнес он.

Александр Ефремович внимательно посмотрел на молодого человека по ту сторону стола. Пожалуй, у него были причины ненавидеть Самойлова. Определенно находились поводы опасаться и избегать. Да и в целом вся эта беседа от ее начала до сей минуты — не имела в себе ни малейшего повода испытывать к парню хоть мизерные положительные эмоции. Но было что-то в последней фразе, отчего Ферзен неожиданно для себя обнаружил сочувствие.

А еще — желание разобраться в некоторой нестыковке, в несоответствии размаха замысла, возраста гостя, ожидаемых дивидендов...

— Скажите, — замерев с ручкой над приказом о выдаче диплома, решился поинтересоваться Александр Ефремович, — зачем вам это все? Все эти траты, манипуляции... — внимательно смотрел он на собеседника. — Неужели не проще было завершить заочно?



— Видите ли... — после некоторой задумчивой паузы вздохнули с того края стола. — Есть у меня одна книжка... — Из укладки папки, с самого ее низа, показался добротный прошитый кожаный переплет размером в тетрадь.

Судя по характерным полоскам, внутри и была обычная тетрадь в клетку, отчего-то украшенная и защищенная столь дорого и надежно.

— Вернее, свод правил... — еще раз вздохнул юноша. — Свод, которого я обязан придерживаться, пока не завершу очное отделение имперского университета.

— Позвольте поинтересоваться, а кто составитель этого документа? — осторожно задал вопрос Ферзен.

— Один человек, — сухо отозвался Самойлов.

Не отец, не дед... Ведь просто «человеком» не назовешь родного... Странно, и довольно сильно будоражит любопытство.

— Еще раз прошу прощения за назойливость... этот человек был вам важен?

— Он за меня как-то умер. Чудом остался жив. Вернее... она.

К его удивлению, гость пошел на откровенность. А значит, он может задать еще один вопрос?..

— Смею полагать, она желала вам самого лучшего, вручая этот свод правил?

— Именно так.

— Как считаете, вот это условие — по завершении очного отделения университета... Оно содержало в себе доброе пожелание?

— Безусловно, — автоматически вымолвил юноша.

— Можем ли мы сойтись на мысли, что в очном обучении, год за годом, от экзамена к экзамену, она видела для вас пользу?

— Допустим... — уже настороженно вымолвил Самойлов.

— Не ради «корочки», а для самих знаний и процесса их получения, поставлено это условие... — подводил его Ферзен к мысли.

К правильной, единственно верной мысли, принятие истинности которой поможет и юноше, и, если повезет, ему тоже...

— Вы не понимаете — я не успеваю!.. — взорвался раздраженной эмоцией Самойлов. — У меня два контейнеровоза застряли на границе, фуры стоят под Орлом, а мороженое тает!

— Тогда вам точно следует получить нормальное высшее образование, — решительно постановил Ферзен.

— Но где я найду столько времени!

— Неужели у вас нет подчиненных? — удивился ректор.

— Есть, как и проблемы от ведения ими дел. — Парень выложил на стол три простеньких кнопочных сотовых телефона, один из которых мерцал вызовом в беззвучном режиме. — Первый — это проблемы, которые требуют незамедлительного решения. Как вы видите, — демонстративно указал он на иллюминацию звонка, — проблемы есть всегда.

— А второй телефон, простите за назойливость?

— Катастрофа.

Словно уловив внимание к себе, телефон вжикнул вибровывозом.

Впрочем, сам Самойлов позволил себе только досадливо поморщиться, но не стал бестактно прерывать беседу на вызов.

— Не будете отвечать? — с опаской посмотрел на аппарат ректор

— Сегодня это не моя катастрофа, — равнодушно отмахнулся юноша.

Любопытство подсказывало уточнить характер катастрофы и кого она постигла, но Ферзен удержался.

— А третий телефон? — поднял он взгляд на гостя.

— Семья. Редко тревожат, только когда действительно важно.

— Семья — это всегда важно, — веско отметил Александр Ефремович. — Что будет, если вы не снимете трубку?

— Убытки.

— Давно вы работаете на первые два телефона? — с сочувствием уточнил ректор.

— Я работаю на себя, — отреагировали непониманием с того края стола.

— Тогда почему они не дают вам получить нормальное образование? Они перестанут платить вам деньги и вы умрете от голода?

Юноша, к удивлению ректора, не стал спорить, а просто задумчиво посмотрел на одинаковый пластик сотовых.

— Ваш фонд, все эти квартиры, машины и гонорары — вы настолько дорого оценили пять лет свободы от университета... Я удивлен, что у вас не хватает средств заплатить за свою свободу от чужих ошибок.

— Это довольно дорогие ошибки, — поднял Самойлов взгляд.

— Но не смертельные, верно? Купите себе молодость и образование, юноша. Пусть финансовые потери будут тому платой, но взамен вы наверняка обретете знания, как их избежать в будущем и уберечь подчиненных.

— Наверное, вы правы... — Подумав, гость взял в руки первый телефон и отключил его. — Если долго не отвечать, эти проблемы решаются сами собой. Не так хорошо, но решаются, — будто уговаривал он себя.

— Вот видите! — даже обрадованно всплеснул руками ректор.

— Образование нужно получить, — теперь Самойлов смотрел на свой «свод правил». — Если она этого хотела, то так будет правильно.

— Я рад, что мы вместе пришли к этому решению, — довольно улыбнулся Александр Ефремович. — Только у меня к вам будет одна просьба... — продолжил он, стараясь не выдать дрожь в голосе.

— Если в моих силах, — кивнул парень.

— Поступайте куда угодно, но не в мой университет, — убрал улыбку, смотрел на него ректор. — Езжайте в Москву, мой вам совет. Там таких, как вы, много.

— Таких, как я? — нейтрально уточнил юноша, вновь глядя равнодушным взглядом надвигающейся грозы.

Но ректора уже было не остановить.

— Вы чудовище, — сбился он на гневную дрожь. — И я не хочу, чтобы такое чудовище училось в моих стенах, среди моих чистых и наивных учеников! Езжайте к таким же монстрам, как вы сам!!!

Напряжение в установившейся тишине ощущалось туго натянутым тросом, готовым лопнуть. И горе тому, кто окажется рядом.

— Не был бы я, как вы говорите, чудовищем, стал бы кто со мной разговаривать? — устало провел Самойлов ладонями по лицу.

А Александр Ефремович ощутил, что может осторожно и тихонечко выдохнуть.

Вскоре дверь за гостем закрылась, оставив ректора с мыслями о том, что неплохо бы завершить рабочий день прямо сейчас. Накатить для успокоения нервов и прогуляться пешком до дома. Заслужил: хотя бы тем, что не дал совершиться тому, за что долгие годы грызла бы совесть... А дочка — полу-

чит блестящую карьеру, сама и честно. Ферзен так решил, а Самойлов напоследок пообещал сломать ноги любому, кто захочет поставить ей подножку. Ну, тоже приятный компромисс между собственной честью и осознанием прагматичной реальности...

За окном немелодично зашумел двигатель «опеля», ушедшего на разворот. Следом за ним отъехала одна машина сопровождения. Вторая отчего-то не торопилась продолжать путь — более того, из-за задней дверцы показался кряжистый человек в строгом пиджаке и белой рубашке без галстука. Он мельком оглянулся в сторону отбывших машин и тут же направился к двери кафетерия.

— Забыл что-то?.. — вслух подумал ректор.

Огляделся — и действительно, один из телефонов Максима остался на столе. Но при этом Ферзен отчетливо помнил, как все три телефона, фигурировавших в беседе, отправились обратно Самойлову в карман...

— Александр Ефремович? — уточнил вошедший мужчина, подойдя к столику.

Был он основателен, собран и уверен в себе. Возрастом за пятый десяток лет, но, судя по бицепсам, проступающим под складками рукавов, явно задержится в этом облике до семидесяти—восемидесяти лет. Слегка полноватая фигура, правда, выдавала сидячую работу, явно составляющую большую часть рабочего дня в последние годы. Дополняли образ след перелома на носу, грубая кожа лица и слегка поломанные уши. Внешность борца, а если добавить осанку — то человека, имеющего определенное отношение к службе. Только взгляд какой-то странный: блеклый, будто гуляющий — никак не удавалось его поймать. Будто смотрит через человека, чуть выше переносицы.

— Да, вот... — указал ректор подбородком на телефон у края стола и принялся выглядывать администратора. Все же мысль о коньячке и завершении рабочего дня оформилась.

— Разрешите представиться: Борис Игнатьевич. Полковник Имперской службы безопасности. — Достав из внутреннего кармана и махнув на мгновение раскрытым удостоверением, в котором почудилось слово «генерал», мужчина с шумом отодвинул стул и сел напротив, сцепив руки в замок и положив их на столешницу. По телефону он лишь скользнул взглядом, проигнорировав. — Как полагаю, вы уже познакомились с нашим... опекаемым?

— Простите, что?.. — не расслышал Ферзен, с удивлением взглядываясь в собеседника.

— Беспокоиться не о чем. Вы не первый, кого этот молодой человек запугивает и шантажирует, вынуждая нарушать закон. Нам приходится сопровождать этого негодяя, оберегая спокойствие честных граждан. Сейчас мы зафиксируем ваши показания, и он, безусловно, направится за решетку. — Вернув удостоверение обратно в пиджак, полковник демонстративно достал оттуда же крохотный диктофон и положил на стол.

— Да о чем вы вообще?!

— Вам совершенно незачем беспокоиться, — успокаивающе поднял ладони Борис Игнатьевич, — вы находились под давлением и являетесь свидетелем, а не соучастником. Особенно пока сотрудничаете со следствием. — Он включил прибор и чуть переместил его поближе к центру стола. — О чем вы с ним говорили?

— Я категорически не понимаю...

Громко прозвенела мелодия «забытого» телефона, прерывая нервную беседу. Полковник выжидательно посмотрел на ректора, ректор — на него, а затем растерянно на окно, будто Самойлов должен там обнаружиться. И только посмотрев на аппарат и заметив имя абонента, ректор взял его в руки. Звонил некий «Ответьте, будьте так любезны».

Подняв трубку и выслушав пару фраз, Ферзен протянул аппарат через стол:

— Тут вам хотят напомнить о том, что у вас осталось четыре дня.

Полковник заторможенно принял трубку, приложил ее к уху. А затем смял хрупкий пластик могучей ладонью. Громко вздохнул и медленно выдохнул, откладывая обломки аппарата в сторону.

— Итак, Александр Ефремович, что этот человек от вас требовал?

— Ничего, — сложил руки на груди ректор.

— Молчите... Все молчат. Вы понимаете, что этот... останется на свободе из-за вас? Мы бессильны без вашей помощи!

— Вся государственная машина, институт расследования и дознания? — скептически приподнял бровь Ферзен.

— Вы и представить не можете, какие у него покровители! — повысил голос Борис Игнатьевич, но тут же перешел на куда более мягкий тон: — Но вы под защитой государя, вам

незачем бояться, — вкрадчиво увещевал полковник и продолжил после многозначительной паузы, демонстративно выключив диктофон: — Просто скажите: что он замыслил на этот раз?

— Я скажу, что Максим будет делать, — ответил Александр Ефремович, глядя в вспыхнувшие злорадством глаза.

Может быть, Самойлов и был чудовищем...

— Он будет учиться, — с железной уверенностью продолжил ректор.

...но, пожалуй, это было самое правильное чудовище в мире.

## ГЛАВА 2

Клацнула крышка телефона, выщелкнулся аккумулятор, а вслед за ним — сим-карта. Небольшой ящик, до того зафиксированный под автомобильным креслом, проглотил остатки телефона, сыто щелкнув плотной пластиковой крышкой с двумя клавишами и таймером на ней. Включить на пару минут — и все электронное с гарантией обернется бесполезным куском кремния.

— Где-нибудь возле урны притормози, — бросил я взгляд в сторону водительского сиденья.

— А где «пожалуйста»? — буркнула сестра, демонстративно вздохнув на эдакую бестактность.

— Пожалуйста, — терпеливо произнес, развернувшись к багажнику и подтягивая габаритный пакет с угловатыми ящиками внутри.

Движение — и в руках коробка с новым телефоном, абсолютно таким же, как и прежние. Только партия другая, как и город приобретения. Обычный кнопочный, дешевый, надежный, с солидной батареей, которую мы сейчас установим, сняв изоляционные наклейки с клемм. Сим-карта там же, в коробке, — оформлена на мелкую фирму-однодневку где-то во Владивостоке. Но тариф международный и предоплаченный, так что никого это не волнует.

Осталось отбить СМС на короткий номер, добавив пару дополнительных цифр вместе с кодовым словом, — и телефон вновь подключен к информационной системе.

— «Система проблем и катастроф», — невольно вырвалось, стоило экрану засветиться входящим вызовом.

— Школу вспоминаешь? — отозвалась Тоня, с серьезной москвой вырuling на соседнюю полосу.

Половину дороги заняла дорожная бригада с крайне важным делом — превращением круглых дыр на асфальте в квадратные.

— Вспоминал десятком минут раньше. Хочешь посмотреть, как теплоход тонет?

— Не особо. У нас поход перед первым сентября на нем... — мельком глянул на меня встревоженный взгляд через центральное зеркало. — Что-то не так?

— Характеристику испортили, — пожаловался сестре. — И что я им сделал?.. Эй, что за тишина? Где родственная поддержка? — возмутился я, когда пауза затянулась.

— Вспоминала, что ты им сделал.

— Но хороших дел...

— Тихо! Я еще не все вспомнила! — шикнула она.

— В следующий раз с Катей поеду, — строго постановил, налагая санкции на Тоню в пользу сестры.

Им, близнецам, по тринадцать, и водить без присмотра старших не положено. Раньше уговаривали отца сесть за руль, а как я получил права, то стали категорично требовать от меня того же. Иногда отказаться не удавалось, потому что в обмен предлагались вовсе немыслимые ценности — вроде мытья посуды на месяц вперед или выгула Брунгильды в пятом часу утра.

С собакой бегать нравилось, но одновременно с деловыми разговорами на ходу это означало высокий шанс испугать собаку грозным тоном и мчаться потом за ней под тридцать километров в час, пытаясь успокоить. А затем успокаивать тех, у кого прихватило сердце от вида несущегося им навстречу четырехлапого монстра. Брунгильда — собака габаритная. Где-то даже волшебная, если учесть съеденное еще щенком кольцо Силы, которое извлекли только через год, когда игривая Бруня принесла в зубах задний бампер от убежавшей машины и папа заподозрил что-то неладное. Бегать за бамперами отучили, но мчаться на выгуле — есть суть собачьей природы, и участковому, со всеми его жалобами, по сей день приходится довольствоваться этим фактом.

— Мой брат не станет манипулировать любовью к вожде-нию! Мой брат — самый лучший на земле! — попыхтев от возмущения, выдала Тоня, вполне разумно пытаясь замориться.

— Вот.

— И не важно, что он взорвал школу! Он все равно для нас пример!

— Это было давно и неправда. И я извинился. И так делать нехорошо, — буркнул, скармливая второй использованный телефон системе очистки.

В современном мире, со всей его техникой и системами контроля, крайне вредно звонить из заведомо известного противнику места. После такого полезно менять телефоны и номера, иначе в любых последующих разговорах будет как минимум три участника.

А насчет школы — всего лишь вскрыл перекрытие, добираясь до сервера со школьными отметками. Ну, переборщил немного, но стена ведь не несущая... Тем более все потом аккуратно зашпатлевал обратно, а свидетелей ночного происшествия не было. В общем, если бы не «восемь» по русскому, образовавшегося из-за ошибочной прибавки «пяти с плюсом» к «тройке», никто бы и не догадался.

Машина вильнула к тротуару на остановке, притормозив так, чтобы остатки телефонов можно было метко бросить в корзину с мусором, и резко дернула с места, под визг шин вклинившись во второй ряд.

Разумно удержался от комментария вождения, спасая язык. Глянул назад — один из джипов тут же прижался к остановке, на пару секунд опередив молодого человека в шортах и майке, первым разглядевшего ценный хлам. А вот второй джип, уже догнавший нас в медлительном потоке, продолжил преследование. Один — это, конечно, не два, но сбросить такой хвост у Тони мастерства не хватит. Так что пусть себе ползет следом. Скоро эта проблема решится сама собой. Через четыре дня, если быть точным.

— Что у нас сегодня по графику? — перевел я разговор.

— Тебя бросает девушка.

— Отлично, — откинулся я на спинку, с некоторой обескураженностью постучав пальцами по коже сиденья. — Информация достоверная?

— Мы, между прочим, не просто так «А»-класс! «А» — аналитика! — важно заключила сестра.

— Ну, вы только восьмой... — усомнился я.

— Тебе ее финальную речь дать почитать? Гарантирую совпадение на восемьдесят процентов! Спорим? — азартно повернулась Тоня.

— На дорогу смотри.

— Ой!.. — пискнула она, притормаживая перед безликим микроавтобусом мелкой фирмочки по ремонту сельхозтехники.



А потом и вовсе вдавила педаль тормоза, когда машина впереди встала. Резко прозвучал клаксон нашего авто под неодобрительные слова Тони.

— Чтобы такого я от тебя не слышал. Дома язык с мылом помоешь, — одернул сестру и на всякий случай отцепил свой ремень безопасности.

— Но... — заканючила она.

— Кольца активируй сейчас же, — оборвал я, заметив, как распахнулась откатная дверь фургончика.

Капризы кончились моментально, а от Тони по салону повеяло волной Силы, еще не оформившейся в видимую форму защитных щитов, но уже готовую принять любой удар.

— Отбой!.. — выдохнул я напряжение, стоило разглядеть парня, шагнувшего на асфальт.

Как-то неправильно на него лето действует. Солнышко, витамин «Д» — это я понимаю, но если сравнить нынешнего Артема Шуйского с тем щуплым пареньком, которым он был в день нашей первой встречи, выходило, что распирает его раза в полтора за год. В общем, если быть объективным, Артем не шагнул из минивэна, а выкарабкался из него. Стянул с себя.

А затем жизнерадостным прямоугольным объектом, два метра диагональю, зашагал к нашей машине, распугивая машины со второй полосы.

Был он одет в пеструю майку, будто сшитую из государственного флага какой-то африканской республики, снятого собственноручно с флагштока перед тамошним правительством. Две разросшиеся пальмы ног прикрывали белоснежные шорты, а сандалии казались разорванными внутренним давлением кедами. Ну и конечно же улыбка, искренняя и чистая, чтобы горожане от такой харизмы не стали разбегаться в разные стороны.

— Превед, медвед.

— Привет... — споткнулся он заготовленной фразой и наклонился к окошку. — Ты почему трубку не берешь?

— Здравствуйте, — ангелочком пропела Тоня.

— Привет! — отреагировал на нее Артем, ослепив отраженным от зубов солнечным светом. — У тебя сегодня крутой водитель, а?

— Ага. Правила соблюдает, посередине дороги не встает.

— Слушай, мы тебя еле в городе отыскали, — с укоризной отреагировал он. — Всех постовых подняли, чуть ли не план

«Перехват». А у тебя вон телефон вызовом мерцает. Почему не отвечаешь?

— Я тебя в последний раз видел два года назад, — повернулся я по направлению движения машины и добавил холодно: — И ты был очень занят для меня.

— Максим! — Крыша «опеля» жалобно простонала от возмущенного движения руки Артема. — Дался тебе этот момент!

— Это был очень важный хоккейный матч, и ты должен был стоять на воротах!

— Да я в эти ворота еле влезал!

— Ты был идеален для этой миссии, — согласно кивнул я. — Без тебя мы чуть не проиграли.

— Так, стоп! — поднял он руки. — Но не проиграли ведь, верно?

— Да, без тебя.

— Так в чем дело?!

— Вы тоже справитесь без меня.

— Да там твой родственник в аэропорт приехал! — воскликнул Артем, теряя терпение. — Рухнул с неба на взлетку без разрешения, попробуй его выкинь теперь, «виртуоза» чернородого! У нас аврал, эвакуация! Сорок рейсов возвращены, две тысячи человек кое-как устроили по всем гостиницам!!!

Мимо, объезжая нас, пытались прислушиваться к экспрессивной речи другие водители, но неведомо откуда взявшийся регулировщик быстро оживил движение. Даже двух наших попутчиков на джипах тоже прогнали вперед.

— Грустно вам... — покачал я головой.

— Да он тебя требует, Максим! Тре-бу-ет! У меня в княжестве!!! — чуть ли не рычал Артем, от гнева сжав ладони в кулаки.

— Совсем грустно. Сочувствую.

— Да есть в тебе хоть капля понимания?! — посмотрел он хмуро, вновь кладя лапищу свою на крышу машины. Сталь ощутимо прогнулась, но убирать руку он не стал.

Я бы, наверное, предложил ему присесть, если бы хотел. Но ведь раньше была дружба, а стало «я занят» и «я очень сильно занят», быстро сменившееся в «Артема нет» голосом камердинера. Отец говорил что-то про его статус, а по мне так статус друга — он всегда выше.

— А ты мне прикажи, — холодно предложил я ему.

Вообще, может. На его земле живем, хоть и присягу не давали. Под его защитой стоит дом. Правда, я спас ему жизнь,

но за это они уже откупились парой построек и княжеским самолетом с бесконечным топливом.

— Ты сам-то как? — после паузы и досадливого закусывания губы спросил он.

— С универом не получилось. На работе проблемы. Девушка бросает. Тонь, точно бросает?

— Ага.

— Вот. Как выпускной? — не дал я ему время проявить эмоции.

— Да там... — махнул он рукой, глядя на дорогу. — В лес пошли, до родников. Все клещей наловили — слезы, сопли, истерика, предсмертные признания в любви. Никакой водки не надо, полный комплект. Вообще по лесу ходить не умеют. А у вас?

— Ресторан хотели нанять, так в последний час решили на теплоходе. Удачно вышло — на первом этаже здания в тот вечер сберкассу грабили, в зале людей постреляли.

— Да, слышал. Ищут гадов, обязательно найдут.

Я чуть наклонился вперед, выглядывая черные джипы. Недалеко, возле магазинной парковки перед поворотом стоят.

— Остается пожелать удачи.

— С университетом помочь? — искренне, как показалось, спросил Артем.

— Нет, в Москву поеду. Три дня, чтобы документы подать. Успеваю.

— А может, и правильно, — согласился он. — Я бы, веришь, сам махнул. От этого всего, — указал он на город. — Хотя бы лет на пять.

— Сложно это, дорого, — посочувствовал уже искренне.

Ведь его бизнес — размером в княжество. И тут даже не две тревожных трубки вводить надо, а даже не знаю, как и быть.

— Но у тебя же получилось? — неожиданно произнес Артем.

— У меня в аэропорту не сидит непонятно кто.

— Ой, не трави душу... Ладно, сами разберемся, — вздохнул он. — Извини, что попытался тебя в это дело втянуть. Я ведь понимаю...

Для Артема вовсе не секрет, что у меня есть только одни родственники — те, что живут в моем доме. Иные, кто считают меня своим вне моей воли, мне чужие. И мне все равно, что они там хотят.

Но, откровенно говоря, любопытно, для чего нужно делать из нашей встречи шоу на всю страну. Даже настолько любопытно, что...

— Артем.

— А? — повернулся к нам уже отошедший к своей машине парень.

Мелькнула на секунду надежда. А может, просто вера в меня.

— Заеду в аэропорт на пару минут.

— Спасибо!

— А вы не могли бы этих дяденек не пускать за нами? — похлопала ресницами Тоня, указывая Артему на джипы.

— Это кто? — сурово спросил Артем, прицениваясь к объектам. — Обижают? Хамят?

— Трогать не надо, — пресек я самодеятельность сестры. — Люди на службе, документы в порядке.

— Как они появились — Максим дельфинов к Шуваловым отправил, — все же поделилась горестью сестра. — В школу через секретный ход ходим.

— Максим? — внимательно посмотрел на меня Шуйский.

— Это не проблема, — успокоил я его. — Верь мне.

— Допустим, — осторожно кивнул он.

— Удачи, — попрощался я, велел Тоне вырывать за город, к аэропорту.

— Мы закроем дороги всем, кроме вас, — наклонился напоследок к окошку Артем и шагнул вбок, занимая для нас вторую полосу.

Вышло очень удобно. По эффективности регулирования движения, пожалуй, я бы поставил его в рейтинге на первое место, прямо перед бетонным блоком. Потому что если кто-то врежется в бетонный блок, тот не даст сдачи.

— Максим, — тихо спросила сестра, когда мы проехали парковку магазина и черные внедорожники снова пристроились за нами. — А все-таки кто это?

— Это те, кто уже упал, но отчаянно пытается вылезти из закрытой банки.

### ГЛАВА 3

Громада международного терминала застыла в конце длинной дороги, будто не приближаясь, несмотря на мелькавшие по сторонам столбики километровых отметок. Вокруг —

скошенное поле травы, редкие ленты высоких деревьев, останавливающих разогнавшийся ветер. На трассе никого, кроме нас, — преследователей остановил блокпост на повороте. Те, как я успел заметить, пытались отмахнуться от постовых красными корочками, но вместо этого дорогу им заградил БТР охранения, встав на все три полосы движения к аэропорту, а документы унесли на проверку. Ничего незаконного, в самом деле — свяжутся с отделением внутренней стражи в княжестве, проверят, извинятся и, козырнув, пожелают счастливого пути. Но к этому времени мы вернемся.

Тоня выжимала максимум из машины, уронив стрелку спидометра вправо, но скорость ощущалась так себе. Наверное, если открыть окна, то ворвавшийся ветер подсказал бы, каково это — под две сотни километров в час, однако я запретил. Да и погода изрядно испортилась, собираясь грозowymi тучами над головой.

— Снижай скорость, — попросил я, заметив первую каплю дождя, тонкой полоской разлетевшуюся по дверному стеклу.

Машина послушно сбросила газ. И, будто дождавшись этого, силуэт аэропорта скачком стал ближе. Много стали и зеркального стекла, ныне тусклого из-за нависавших над ним темных облаков. Силуэты самолетов, крошечных на фоне терминала, пустые прямоугольники гостевых парковок, алые капли пожарных машин и «скорых». Некоторое скопление автомобилей у самого входа, заехавших по бордюру прямо к стеклянным дверям.

— Нам к ним? — скорее утверждая, произнесла Тоня, глянув на меня в центральное зеркало.

Подтвердил ей коротким кивком, бросив взгляд на «рабочий» телефон, выключенный после недавнего разговора. Сложно удержаться и не включить, вновь встав в центр всех решений и ответственности. Тут даже не работа, не бесстрастные цифры, отсчитывающие прибыли и убытки на расчетных счетах, а ощущение заботы за выстроенное самим собой. Наверное, с некоторых пор действительно избыточное. Справятся, выдержат, пойдут дальше и шагнут на новую высоту, иначе какой из меня руководитель, если бы все дышало только одновременно со мной, думало только моими мыслями. Надеюсь, через пять лет мне достанется гордость за них, а не сожаление, что выбрал не тех и поставил не на то. Уверен, что будет только гордость.

Кризисный телефон тоже молчит, Шуйские уже в курсе. Артем, конечно, не хозяин тут всему — над ним есть отец. Но

решают и думают они семьей, высказывая свой гнев и свое «я» за всех вместе. Если позволить себе немного гордыни, вполне может получиться, что именно из-за меня Артем упросил отца не вышвыривать нежданного гостя, всякий раз пытаюсь ко мне дозвониться. Просто потому, что тот приехал ко мне.

А они могут вышвырнуть кого угодно, скорее даже должны были так сделать для поддержания своего статуса и чести. Несмотря на то что в результате, скорее всего, придется отстраивать новый терминал. «Виртуоз» стихии огня — это очень много солнца, разлитого по бетону взлетных полос, по этажам терминала, по его крыше и в воздухе вокруг. Солнца, что не радуется мягким теплом и бежевым светом, но плавит до черной пыли. Эту стихию практикует Амир, названный брат моего биологического отца. Других чернобородых виртуозов я среди той семьи не помню. Разве что дед решит сменить облик, как он это умеет... Но тогда Шуйским действительно лучше договариваться.

Так получилось, что своего отца я не знаю вообще, а деда — единственного, с кем из рода знаком лично, — впервые встретил четыре года назад, когда тот устроился в нашу семью преподавателем, под чужим именем и личиной. Невысокий старик с умными глазами и располагающей улыбкой, бороздами импозантных морщин на лбу и длинными пальцами пианиста, он представлял собой образец честности и профессионализма, компетентности и еще десятка восхваляющих слов, благодаря соответствию которым ему передали заботу о доме (вместе с повышением оклада) и стали пускать за общий стол, внимательно прислушиваясь к советам.

После ряда важных событий в моей жизни я выяснил, что мое желание называть его дедом совпадает с реальностью, данной от рождения. То, что он может быть частью довольно известной фамилии, не тревожило — ведь в цепочке родства той семьи больше тысячи человек, и она точно не обеднеет, если дед станет частью нашей.

Узнал же я, кто он на самом деле, тремя месяцами позже, после его стремительного отъезда «по делам». Узнал из новостной передачи.

Надо сказать, деду очень шел строгий костюм с серебряным шитьем, мрачным алым гербом у сердца и тяжелой золотой цепью на груди. Пожать руку старому князю Юсупову, «вернувшемуся из долгого путешествия», выстроилась целая очередь из желающих, умудряясь даже при солидном росте заглядывать снизу вверх в глаза не самому высокому человеку в

поисках его внимания и милости. А говорили, что он погиб давным-давно...

Передачу в нашем доме смотрел не я один.

Этим же вечером все его вещи в доме были собраны отцом и высланы в ближайшее представительство Юсуповых, вместе с запиской о расторжении контракта, тщательно подсчитанной суммой полагающихся отступных и требованием никогда более не появляться на пороге нашего дома.

Моя нынешняя семья стала таковой пять лет назад. Хорошая семья из папы Михаила, отличного мастера-ювелира и великого сердца человека; веселых и никогда не унывающих сестер-близняшек Тони и Кати, начинающих аналитиков и автокаскадеров; самого лучшего на свете брата Федора, настоящего и будущего гения артефакторики. Одновременно с этим моя семья очень скромна и вовсе не требует от мира чего-то особенного. Счастье для них — просто в том, чтобы не падали с неба снаряды, а соседние дома не горели в огне. Нет семьи более жизнерадостной и веселой, чем мои новые родичи.

Пять лет и два месяца назад те снаряды, которых боится Федор, которые сняты по ночам сестрам и которые разрушили старый дом отца, посылались по приказу князей Юсуповых.

Только вот в те времена «могиле» деда уже было два десятка лет, и никакие новостные издания, даже самые желтые, не сомневались в его смерти от старости. Выходит, не было его вины в той войне? Семья считала иначе, а я теперь — часть семьи.

На следующий день дед стоял у калитки за воротами, не замечая льющегося с небес дождя и заходящейся громом грозы. В том же самом костюме, виденном по телевидению, перед черным лимузином с распахнутой задней дверцей, он требовал от отца меня. Было не похоже, что просто поговорить.

Папа Михаил тоже стоял под дождем, по нашу сторону забора, и, чуть наклонив голову, звучно поцокивал тяжелыми зачарованными перстнями на пальцах. Он уже успел ему отказать.

Между ними, на металле ограды, был охранный знак княжества Шуйских — предупреждение, что никто не смеет угрожать этому дому без риска вызвать гнев хозяина окрестных земель. За спиной отца, над дверью, тускло смотрелась охранный калита Древичей — символ защиты дома могучим и закрытым воинским объединением. Для кого-то иного —

знаки судьбы, достойные того, чтобы развернуться и молча уйти. Но дед — не из их числа.

— Уходи. — Для этого слова мне все же пришлось выйти из дома ему навстречу.

Дождь быстро пропитал рубашку и брюки, растрепал прическу и закапал с подбородка. Я стоял рядом с отцом, глядя на обретенного было, но навсегда потерянного деда.

— Пойдем со мной, — надавил Юсупов голосом и протянул ко мне руку. — Я отведу тебя к отцу, матери и сестре.

Я отрицательно повел головой. Потому что семья — она тут. Даже дед — и тот мог бы стать настоящим дедом, принятым в семью. Но для этого ему не следовало возвращать старую фамилию.

Небеса вспыхнули сетками молний и взревели громом гнева человека, стоящего напротив.

— Тогда я заберу тебя сам, — принял он решение и шагнул вперед.

Второй шаг он сделал по ярко освещенной солнцем траве. Даже шагнул третий, до того, как остановиться и недоуменно посмотреть в небеса над собой.

Там, где быстро расходились в стороны грозовые тучи, ведомые моей волей.

— Навсегда уходи, — отвернулся я от него и, бережно взяв отца за руку выше запястья, повел его обратно домой.

Когда мы уже дошли до калитки, позади хлопнула дверь лимузина, а шелест колес обозначил разворот машины.

Пять лет с тех пор прошло. Забыл ли дед про меня? Как видите, вспоминает иногда.

Авто лихо забралось на бордюры и подкатило к главному входу. К машине тут же метнулся мужчина лет тридцати, с видом озабоченным и обрадованным, будто все его проблемы сейчас же будут решены. На его белой рубашке красовался бейджик с эмблемой аэропорта и неопределенной должностью «Старший супервизор» чуть ниже имени «Семен».

Дверь «опеля» с моей стороны попытались вежливо открыть и недоуменно посмотрели через окно, когда это не получилось.

— Медведь, блин, — проворчал я, тоже предприняв попытку распахнуть створку.

Заклинило, и тут явно замешана тяжелая рука моего товарища. Пришлось выбираться с другой стороны и смотреть на ненатурально-счастливую улыбку встречающего, в глазах ко-



того уже было некое сомнение. Потому что спасение редко приезжает на потрепанном «опеле».

— Максим Михайлович? Очень рад, — заключил он мою ладонь в две своих и энергично пожал. — «Гость» — на втором этаже терминала; я вас лично провожу до эскалатора. — Он открыл дверь и выжидающе посмотрел на меня.

Я же не торопился и внимательно осмотрел лица всех «встречающих» со стороны Шуйских, заглянул в окна их машин и неспешным шагом вернулся обратно. Никого из главных семей рода. Свита Артема, все до единого — охранение, консультанты, солдаты.

Остановился напротив Семена и приподнял бровь, ожидая комментариев.

Тот изрядно занервничал и упустил дверь в терминал, тут же распахнув ее вновь.

— Они же не внутри, верно? — И речь тут совсем не о гостях.

— До прибытия Старших рода сорок минут, — посмотрел он нервно на наручные часы.

— Значит, не будем медлить, — вздохнул я и обернулся к нашей машине. — Тоня, езжай-ка ты обратно, — посмотрел я на иссиня-черное небо над головой, в которое успела превратиться непогода с легким дождем.

— Что-то не так? — тревожно спросила она, заводя таки мотор.

— Все будет нормально, — с улыбкой попрощался я и зашагал внутрь терминала.

Перед Артемом надо будет извиниться. Может, даже ящик меда заказать, или что там ему нравится. Через сорок минут тут будет война — и будет она вне зависимости от того, есть я тут или нет. Потому что таков ответ, когда на твою землю приходит чужак и не подчиняется твоим законам. Тут не до денег и возможного ущерба.

Но шанс поговорить друг мне подарил. Звонил, уговаривал, нашел в городе и приехал ко мне сам. Нужен ли он мне, этот шанс? С моего места не очевидно, но рядом с тронем Шуйских вид гораздо лучше.

Путь шел через гигантские залы, пустые и обесточенные. Кое-где остались чьи-то рюкзаки, нелепо замерли посередине зала тележки. Эскалаторы стоят, табло смотрят черными прямоугольниками со стен. Только аварийные выходы подсвечены тусклым красным светом автономных батареек.